

ЛЕОНИД **ЗОРИН**

ВАРШАВСКАЯ МЕЛОДИЯ

драма в двух частях

aegitas

Леонид Зорин

Варшавская мелодия

«Aegitas»

2020

Зорин Л. Г.

Варшавская мелодия / Л. Г. Зорин — «Aegitas», 2020

ISBN 978-0-3694-0152-6

Пьеса Леонида Зорина, изначально называвшаяся «Варшавянка», была написана в 1967 году. "Варшавская мелодия" – пронзительная история о невероятных чувствах, которые не заканчиваются никогда, и о сопряженном с этими чувствами выборе между любовью и долгом. Платой за последствия выбора героев становится вся их дальнейшая жизнь. Главное – это тема обречённости. Любовь обречена, потому что государство сумеет растоптать вас своим паровым катком. И, сделав свою работу, оно удовлетворенно потирает руки над вашим прахом и над прахом вашего чувства. И два человека, когда они, наконец, встречаются, могут соединиться. Но уже нечем соединяться.

ISBN 978-0-3694-0152-6

© Зорин Л. Г., 2020

© Aegitas, 2020

Содержание

Варшавская мелодия. Драма в двух частях	6
Действующие лица	6
Часть первая	7
Часть вторая	25
Медная бабушка. Диалоги	34
Действующие лица	34
Часть первая	35
1	35
Конец ознакомительного фрагмента.	36

Леонид Зорин

Варшавская мелодия

Сборник

© Зорин Г. А., 2020

© Издательство «Aegitas», 2020

Все права защищены. Охраняется законом РФ об авторском праве. Никакая часть электронного экземпляра этой книги не может быть воспроизведена в какой бы то ни было форме и какими бы то ни было средствами, включая размещение в сети Интернет и в корпоративных сетях, для частного и публичного использования без письменного разрешения владельца авторских прав.

* * *

Варшавская мелодия. Драма в двух частях

Действующие лица

Гелена.

Виктор.

Часть первая

Прежде чем вспыхивает свет и начинается действие, мы слышим слегка измененный записью голос Виктора.

– В Москве, в сорок шестом, декабрь был мягкий, пушистый. Воздух был свежий, хрустящий на зубах. По вечерам на улицах было шумно, людям, должно быть, не сиделось дома. Мне, во всяком случае, не сиделось. А таких, как я, было много.

Свет. Большой зал консерватории. Где-то высоко, у барьера, сидит Геля. Появляется Виктор. Садится рядом.

Геля (*мягкий акцент придает ее интонации некоторую небрежность*). Молодой человек, место занято.

Виктор. То есть как это – занято? Кто смел его занять?

Геля. Здесь будет сидеть моя подруга.

Виктор. Не будет здесь сидеть ваша подруга.

Геля. Молодой человек, это есть невежливость. Вы не находите?

Виктор. Нет, не нахожу. У меня билет. Этот ряд и это место.

Геля. Ах, наверное, это там... (*Жест вниз.*)

Виктор. Как же там... Именно тут.

Геля. Но это есть анекдот, комизм. Я сама доставала билеты.

Виктор. Я тоже сам достал. (*Протягивает ей билет.*) Смотрите.

Геля (*смотрит*). Вы купили на руках?

Виктор. Вы хотите сказать – с рук?

Геля. О, пожалуйста, – пусть будет с рук. У брюнетки в рыжем пальто?

Виктор. Вот теперь все верно. Чуждая девушка.

Геля. Не хвалите ее, пожалуйста. Я не хочу о ней слышать.

Виктор. Что-то, видно, произошло. Она страшно спешила.

Геля. Так, так... Я знаю, куда она спешила.

Виктор. А вокруг все спрашивают билетика. Представляете, какая удача?

Геля (*небрежно*). Вы часто бываете в консерватории?

Виктор. Первый раз. А что?

Геля. О, ничего...

Виктор. Иду себе – вижу: толпа на квартал. Значит, дело стоящее, все ясно. Бросаюсь в кассу – дудки, закрыто. Администратор меня отшил. Что за черт, думаю, – чтоб я да не прорвался? Такого все же еще не бывало. И тут эта ваша, в рыжем пальто... А что сегодня будет?

Геля. Если вы не возражаете – будет Шопен.

Шум, аплодисменты.

Виктор. Шопен так Шопен. У вас есть программа?

Геля. Пожалуйста, тихо. Теперь – надо тихо.

Свет гаснет. Музыка.

Свет снова вспыхивает в антракте между первым и вторым отделением.

Геля. Почему вы не идете в фойе? Там можно прогуливаться.

Виктор (*не сразу*). Что-то не хочется. Шум, толкотня...

Геля. Вы не любите шума?

Виктор. Смотря когда. Сейчас – нет.

Геля. Вы любите музыку?

Виктор. Выходит – люблю.

Геля. Стоило прийти, чтоб сделать такое открытие.

Виктор. Глупо, что я сюда не ходил. Честное слово.

Геля. О, я вам верю без честного слова.

Виктор. А вы – из Прибалтики?

Геля. Нет, не из Прибалтики.

Виктор. Но ведь вы не русская.

Геля. Я богатая дама, совершающая кругосветный тур.

Виктор. Ваша подруга в рыжем пальто тоже путешествует вокруг света?

Геля. Моя подруга... Не будем говорить про мою подругу. Она – легкомысленное существо.

Виктор. Все-таки скажите, вы – откуда?

Геля. Не верите, что я богатая дама?

Виктор. Не знаю. Я никогда их не видел.

Геля. Я из братской Польши.

Виктор. Вот это похоже. Я так и подумал, что вы не наша. То есть я хотел сказать – не советская. То есть я другое хотел сказать...

Геля. Я понимаю, что вы хотите сказать.

Звонки.

Антракт оканчивается.

Виктор. А что вы делаете у нас?

Геля. Я у вас учусь.

Виктор. В каком это смысле?

Геля. В консерватории, если вы ничего не имеете против. И моя подруга тоже в ней учится. Но она – ваша... То есть я хотела сказать – советская. То есть я хочу сказать – мы живем в одном общежитии.

Виктор. Спасибо, я понял.

Геля. В одном обществе и в одном общежитии. Она тоже будущий музыкант. И между тем продала свой билет.

Виктор. Для вас, наверное, большая скидка. Я даже не думал – довольно дешево.

Геля. Еще не хватало, чтобы она, как это... немножко спе-ку-ли-ровала. Довольно того, что она решила пойти слушать молодого человека, а не Шопена.

Виктор. В конце концов, ее можно понять.

Геля. Пан так считает? Я ее презираю.

Виктор. Молодой человек тоже не валяется на каждом углу.

Геля. Я не знаю, где он валяется, но это скучный молодой человек. Он не любит музыки и этим отличается от вас. У бедной Аси постоянный конфликт. Любовь и Долг. Любовь и Дело. Совершенно ужасное положение.

Виктор. Я-то уж на него не в обиде. Из-за него я здесь.

Геля. Вам повезло.

Виктор. Мне всегда везет. Я счастливчик.

Звонки.

Геля. Это очень интересно. Первый раз я вижу человека, который этого не скрывает.

Виктор. Зачем мне скрывать?

Геля. А вы не боитесь?

Виктор. Чего мне бояться?

Геля. Люди узнают, что вы счастливчик, и захотят испытывать, так это или не так?

Виктор. Вот еще! Я Гитлера не испугался.

Аплодисменты.

Геля. Все. Теперь – тишина.

Виктор (*шепотом*). Как вас зовут?

Геля. Тихо. Слушайте музыку.

Свет гаснет. Музыка.

Снова свет. Фонарь. Переулок.

Геля. Вот наш переулок. А там в конце – наше общежитие. Спасибо. Дальше идти не надо. Можно встретиться с Асей. Если она увидит, что меня провожают, я потеряю... как это... моральное превосходство.

Виктор. Значит, Геля – это Гелена. По-русски вы просто Лена.

Геля. Значит, вы – Виктор. По-русски вы просто победитель. Я – просто Лена, а вы – просто победитель. И все-таки не стоит переводить. Мне нравится мое имя.

Виктор. Мне тоже.

Геля. Каждое произведение в переводе теряет. Пан будет спорить?

Виктор. Пан не будет спорить. Вас в комнате много?

Геля. Еще две девушки. Две чайные розы. Первая – Ася, она певица, как я. Вы ее видели. Она милая, но совершенно без воли. Молодой человек делает из нее веревки. Зато другая совсем другая. Она имеет твердый характер, огромный рост и играет на арфе.

Виктор. А ее как зовут?

Геля. Езус-Мария, ему все нужно знать. Вера.

Виктор. Подумать только, придешь когда-нибудь в оперу, а Кармен – это вы!

Геля. Я не буду петь Кармен, у меня другой голос. И в опере я не буду петь... Я буду... как это... камеральная певица.

Виктор. Вы хотите сказать – камерная.

Геля. Просто беда. Я вечно путаю.

Виктор. Мне бы так шпарить по-польски. Сколько лет вы у нас?

Геля. Другой год.

Виктор. Рассказали бы – не поверил.

Геля. Хорошо, я открою секрет, хотя мне это совсем невыгодно. Здесь есть еще маленькое обстоятельство. Мой отец знал по-русски и меня учил. Он говорил: «Гельця, тебе надо знать этот язык. В один прекрасный день ты мне скажешь спасибо». Видимо, он имел в виду сегодняшний день.

Виктор. Ну, это само собой. Но все равно. Вы – молодчина.

Геля. Я просто способна к языкам. Как всякая женщина.

Виктор. Так уж и всякая...

Геля. Так, так. Что такое способность к языкам? Способность к подражанию, я права? А все женщины – обезьянки.

Виктор (*с подчеркнутой грустью*). Даже вы?

Геля. Пан не хочет, чтоб я была как все. Это мило. И натурально. Мы ценим правила, а любим исключения. Очень жаль, я ужасная обезьянка. Я смотрю вокруг и все примериваю на себя. Это мне не годится, а это мне подойдет! Красивая прическа – немножко задор, немножко поэзия, немножко вызов – беру себе. Или вижу – красивая походка. И грациозно, и очень стремительно – почти полет. Это совсем смертельная рана – такая походка, и не моя! Она будет моя! Я ее беру. Потом я встречаю девушку: у нее задумавшийся взгляд, он показывает на глубокую душу – очень хорошо, я беру этот взгляд.

Виктор. Задумчивый взгляд.

Геля. Ну все равно, вы меня поняли. В общем, я – Жан-Батист Мольер. Он говорил: «Je prend mon bien où je le trouve».

Виктор. Хотя в переводе и потеряет – переведите.

Геля. Я вас немножко давлю своим французским? Так? Это значит: я беру свое добро там, где его нахожу. Ходят слухи, Мольер взял себе две сцены у Сирано де Бержерак. Он был гений, ему все было можно.

Виктор. А вам?

Геля. Мне тоже – я женщина. Но почему вы все время задаете вопросы? Вы опасный человек.

Виктор. Я хочу еще спросить...

Геля. Подождите – спрашиваю я. Вы учитесь?

Виктор (*кивая*). В институте имени Омара Хайяма.

Геля. Святая Мадонна, он надо мной смеется.

Виктор. На отделении виноделия, вот и все. Омар Хайям – покровитель виноделов. Певец, идеолог и вдохновитель. Мы его учим наизусть почти в обязательном порядке. Наш профессор сказал, что когда-нибудь над входом будут высечены его слова:

Вино питает мощь равно души и плоти,

К сокрытым тайнам ключ вы только в нем найдете.

Геля. Я поняла – вы будете дегустатор?

Виктор. Молчите и не срамитесь... Ничего вы не поняли. Я буду технолог. Буду создавать вина.

Геля. Так, так. Если вы не сопьетесь, вы прославите свое имя.

Виктор. Виноделы не спиваются. Это исключено.

Геля. В самом деле, я почему-то забыла, что вина создаются.

Виктор. Еще бы – отношение потребителя. Между тем вино рождается, как человек.

Геля. Я надеюсь, это шутка.

Виктор. Когда-нибудь я вам расскажу. Прежде всего нужно найти те качества, которые создадут букет. А потом вино надо выдерживать. Букет создается выдержкой.

Геля. Это надо будет запомнить. Но уже поздно, пора.

Виктор. Геля...

Геля. Так, так. Интересно, что вы скажете дальше.

Виктор. Я хочу вас увидеть.

Геля. Я знаю, но вы не должны были это показывать. Как надо сказать – показывать или показать?

Виктор. Я действительно очень хочу вас увидеть.

Геля. Надо небрежно, совсем небрежно: «Когда мы увидимся?» У вас мало опыта. Это плохо.

Виктор. Когда мы увидимся?

Геля. Откуда я знаю? В субботу. В восемь.

Виктор. Где?

Геля. Вы так будете спрашивать всё? На углу Свентокшисской и Нового Свята. В Варшаве я назначала там.

Виктор (*хмуро, почти без выражения*). Там.

Геля (*с интересом*). Пан полагает, он будет первый?

Виктор (*еще более хмуро*). Пан не полагает. Так где?

Геля. Но при этом вы можете улыбнуться. «Где, где?» Вы еще в консерватории должны были подумать где. Езус-Мария, совсем мало опыта.

Виктор. Ну хорошо. Командую я. На углу Герцена и Огарева. Рядом с остановкой.

Геля. Ах, эта Ася... Не могла продать старичку!

Свет гаснет.

Вновь – свет. На углу. Виктор взглядывает на часы.

Подходит Геля.

Геля. Не надо смотреть на часы. Я уже здесь.

Виктор. Очень боялся, что вы не придете.

Геля. Так все-таки вы чего-то боитесь.

Виктор. Представьте, выяснилось, что это важно.

Геля. Именно что?

Виктор. Чтоб вы пришли.

Геля. А-а... Это я как раз представляю.

Виктор. Я правду говорю.

Геля. Так я верю, верю. Конечно, правду. Конечно, важно. Меня совсем не нужно убеждать. Можно подумать, к вам каждый вечер приходят на угол варшавские девушки.

Виктор. Варшавские девушки знают себе цену.

Геля. Все девушки должны знать себе цену. Непобедимость идет от достоинства.

Виктор. Куда мы пойдем?

Геля. Спасите меня. Он опять задает вопросы. Матерь Божья, о чем он думал три дня? Вы должны меня ослепить, показывать себя в лучшем свете. Разве вы не зовете меня в ресторан?

Виктор. Получу стипендию и позову.

Геля. Так. Это рыцарский ответ. Ответ безумца. Не возмущитесь. Я знаю – вы создаете вина, но вам еще нечем за них платить. Будьте веселый, все впереди. Вы видите, я не надела вечерний наряд, и у моих туфель тоже другая миссия. Есть еще варианты?

Виктор. Покамест нет.

Геля. Вы и в самом деле счастливчик. Вам не нужно делать выбор.

Виктор. Как знать, у меня есть свои заботы.

Геля. Этот вечер единственной вашей заботой должна быть я.

Виктор. Это я понял.

Геля. Тем более ваш Хайям говорит:

Красавиц и вина бежать на свете этом

Разумно ль, если их найдем на свете том?

Виктор. Вы прочли Хайяма. Мне это приятно.

Геля. Вы так его любите?

Виктор. Приятно, что вы готовились к встрече.

Геля (*оглядывая его*). Вот что?.. Спасибо за предупреждение.

Виктор. А это не понял.

Геля. Вы не так безопасны, как мне показалось. С вами надо быть настороже.

Виктор. Это – ошибка. Ничуть не надо.

Геля. Я готовилась? Ну хорошо. Не забуду этого ни вам, ни Хайяму.

Виктор. Не стоит сердиться, будем друзьями.

Геля. Все равно – у вас нет никакого опыта. Даже если вы что-то заметили, вы должны были промолчать. Тогда вы смогли бы когда-нибудь воспользоваться своим открытием. Все-таки – куда мы идем?

Виктор (*веско*). Я полагаю, мы ходим в кино.

Геля. Я так и знала, что этим кончится. А что нам покажут?

Виктор. Не имею понятия. Мне все равно.

Геля. Хотите сказать, что не будете смотреть на экран?

Виктор. Почему? Буду. Время от времени.

Геля. Вы откровенный человек.

Виктор. От неопытности, должно быть.

Геля. Отец меня предупреждал – с кино все начинается.

Виктор. Мы ему не скажем.

Геля. Безусловно, не скажем. Его уже нет.

Виктор. Простите.

Геля. Что с вами делать, прощаю. Когда взяли Варшаву, мы перебрались в деревню, но его это не спасло. (*Неожиданно.*) Что бы вы сделали, если б я не пришла?

Виктор. Явился бы в общежитие.

Геля. Это хорошо. Это значит – у вас есть характер. Почему вы стали такой серьезный? Лучше мы переменим тему. Теперь вы знаете, что я сирота и меня обидеть нельзя. Как надо правильно – обидеть или обижать?

Виктор. Можно и так и так.

Геля. И так и так – нельзя. Нельзя обижать.

Виктор. Я ведь – тоже. У меня и матери нет.

Геля. Бедный мальчик... И он убежден, что счастливчик.

Виктор. Конечно, счастливчик. Это уж факт. Сколько не дожило, а я дожил. Полгода в госпитале и – вот он я. На углу Герцена и Огарева.

Геля. Витек, ни слова больше про войну. Ни слова.

Виктор. Договорились: миру – мир.

Геля. Если б я знала, вы бы минуты не ждали на этом вашем углу.

Виктор (*щедро*). Вот еще... Вы опоздали по-божески. Я приготовился ждать полчаса.

Геля. Так много?

Виктор. Девушки это любят.

Геля. Але то есть глупство. Просто глупость. Зачем испортить настроение человеку, если ты все равно придешь. Я читала: точность вежливость королей.

Виктор (*с лукавством*). И королев.

Геля. Каждая женщина – королева. Это надо понимать раз навсегда.

Виктор. Вы хотите сказать – понять раз навсегда.

Геля. Добже, добже. Вы всегда лучше знаете, что я хочу сказать.

Свет гаснет.

Снова свет. Пустой зал. Переговорный пункт. Доносится голос, усиленный микрофоном: «Будапешт, третья кабина. Будапешт на проводе, третья кабина».

Виктор. С кем ты собираешься говорить?

Геля. Если пан позволит, с Варшавой.

Виктор. А точнее?

Геля. Пусть это будет тайна. Маленькая тайна освежает отношения.

Виктор. Рано ты начала их освежать.

Геля. Это никогда не бывает рано. Это бывает только поздно.

Виктор. В конце концов, это твое дело.

Геля. На этот раз пан прав.

Виктор (*оглянувшись*). Здесь не слишком уютно.

Геля. Зато тепло. Когда будут страшные морозы и мы совсем превратимся в ледышечки, мы будем сюда приходить и делать вид, что ждем вызова.

Виктор. Тебе надоело ходить по улицам. Я тебя понимаю.

Геля. Витек, не унывай. Мы нищие студенты. Я бедненькая, зато молоденькая, и у меня... как это... свежий цвет лица.

Виктор. Обидно, что я не в Москве родился. По крайней мере был бы свой угол.

Геля. Я охрипла. Я не знаю, как буду разговаривать.

Виктор. Совсем не охрипла. Голос как голос.

Геля. Ты не знаешь, меня лечили два дня. Меня закутали в два одеяла. Потом мне давали чай с малиной. Потом аспирин. Потом я пылала. Как грешница на костре. Потом я не выдержала и сбросила с себя все. Это был восторг. Я лежала голая, ела яблоко, Вера играла на арфе – все было словно в раю.

Виктор. Жаль, меня там не было.

Геля. Старая история. Стоит создать рай, появляется черт. Ты и так во всем виноват. Из-за тебя я потеряю голос и погублю свою карьеру. Певица не может быть легкомысленной.

Виктор. Ты никогда не была легкомысленной.

Геля. Альбо ты управляешь своим темпераментом, альбо он управляет тобой.

Виктор наклоняется и целует ее в щеку.

Браво, браво.

Виктор. Могу повторить. (*Стараясь скрыть смущение.*) А который час?

Геля смеется.

Что тут смешного?

Геля. Я заметила, человек интересуется временем в самый неподходящий момент.

Виктор (*хмуро*). Не знаю. Не обращал внимания.

Геля. Слушай, я тебя развеселю. Один раз отец нагрузил телегу большой копной сена. В этой копне были спрятаны евреи. Я должна была довести их до другого села. И только меня отпустил патруль, мы не проехали даже два шага – из копны высовывается голова старика, в белой бороде зеленая травка, и он спрашивает: «Который час?» Матерь Божья, я еще вижу патруль, а ему нужно знать – который час?

Виктор. Ты меня очень развеселила. Тебя убить могли. Или – хуже...

Геля. Что может быть хуже?

Виктор. Ты знаешь сама.

Геля (*мягко, не сразу*). Ты чудака, Витек.

Виктор. Перестань. Какой я чудака?

Геля. Зачем ты злишься? Я люблю чудаков. С ними теплее жить на свете. Когда-то в Варшаве жил такой человек – Франц Фишер, мне о нем рассказывал отец. Вот он был чудак. Или мудрец. Это почти одно и то же. Знаешь, он был душой Варшавы. Она без него осиротела.

Голос, усиленный микрофоном: «Вызывает Варшава.
Кабина шесть. Варшава на проводе – шестая кабина».

Это – меня.

Голос: «Варшава – кабина шесть».

Подожди, я – быстро. (*Убегает.*)

Виктор закуривает, ждет. Голос: «Вызывает Прага. Кабина два. Прага на проводе – вторая кабина». «Вызывает София – кабина пять. София, София – пятая кабина». Виктор тушит папиросу.

Возвращается Геля.

Геля. Как было хорошо слышно. Как будто рядом.

Виктор. С кем ты говорила?

Геля. Витек, разве ты не видишь – я хочу, чтоб ты мучился и гадал.

Виктор. Ты сама мне сказала, что мать уехала к тетке в Радом.

Геля. Ты знаешь, Радом – это удивительный город. Его называют – столица сапожников. Когда-нибудь я поеду в Радом и мне сделают такие туфли, что ты тут же пригласишь меня в «Гранд-отель».

Виктор. Если она в Радоме, с кем же ты говорила?

Геля. О, трагическая русская душа. Она сразу ищет драму.

Виктор. Если пани предпочитает комедию, она может не отвечать.

Геля. Я еще не пани. Я панна. Альбо паненка.

Виктор. Прости, я ошибся.

Геля. И я ошиблась. Я думала, у нас будет такой легкий, приятный роман.

Виктор. Не самая роковая ошибка.

Геля (*смирено*). Добже. Я признаюсь. Успокойся. Это был молодой человек.

Виктор. Как его зовут?

Геля. Какая разница? Предположим, Тадек.

Виктор. А фамилия?

Геля. Езус-Кристус! Дымарчик. Строняж. Вечорек. Что тебе говорит его фамилия?

Виктор. Я хотел знать твою будущую, вот и все.

Геля. Для концертов я оставляю свою. Ты будешь посетить мои концерты?

Виктор. Посещать!

Геля. Посетить, посещать – какой трудный язык!

Короткая пауза.

Витек, а если я говорила с подругой? Такой вариант тоже возможен.

Виктор. Почему я должен верить в такой вариант?

Геля. Хотя бы потому, что он более приятный. Который час?

Виктор. Действительно, в самый неподходящий момент.

Геля. Я же тебе говорила. О, как поздно. Скоро двенадцать. Или лучше – скоро полночь. Так более красиво звучит. Более поэтично. В полночь общежитие закрывают и девушек не хотят пускать.

Виктор. Пустят. Я тебе обещаю.

Геля. Идем, Витек. Ты проводишь меня до дверей и скажешь мне: «До свидания». Это прекрасное выражение. Так должны прощаться только влюбленные, правда? До свидания. Мы прощаемся до нового свидания. Несправедливо, что точно так же прощаются все. Влюбленных постоянно обкрадывают.

Виктор. Это идиотизм – сейчас прощаться. Просто неслыханный идиотизм. А что, если я пойду к тебе? Попрошу эту Веру, чтоб она побряцала на арфе.

Геля. Нет, все-таки ты чудак. Такое мое счастье – отыскать чудака. После войны их почти не осталось. Должно быть, их всех перестреляли.

Виктор. Честное слово, иду к тебе в гости. Не прогоните же вы меня. Может, еще напоите чаем. Ну? Решено?

Геля (*смеясь*). У тебя сейчас вид, как в поговорке... пан или пропал?

Виктор (*почти серьезно*). Пан пропал.

Свет гаснет.

Снова свет. Музей. Статуи и картины.

Геля. Только что была Москва и – вот... В каком мы веке? Витек, это чудо. Ты веришь в чудеса?

Виктор. Все в мире – от электричества.

Геля. Ты ужасно шутишь, но я тебе прощаю за то, что ты меня сюда привел.

Виктор. Что делать, если некуда деться.

Геля. Витек, не разрушай настроения.

Виктор. Из нас двоих я – разумное начало.

Геля. Это новость для меня. Смотри, какая красавица. Ты бы мог ее полюбить?

Виктор. Красавиц не любят, любят красоток.

Геля. Ты невозможен. Она прекрасна.

Виктор. Уж очень несовременна. Лед.

Геля. Мы тоже будем несовременны.

Виктор (*беспечно*). Когда это будет!

Геля. Скорей, чем ты думаешь. Вспомни, что пишет Хайям.

Виктор. А что он пишет?

Геля. Еще умчался день, а ты и не заметил.

Виктор. И далее он говорил: по этому поводу выпьем.

Геля. Здесь – хорошо. Ты отлично придумал.

Виктор. У меня светлая голова.

Геля. Мне жаль, что ты не был в Кракове. Я бы водила тебя в Вавель.

Виктор. А что это – Вавель?

Геля. Это древний замок. Там похоронены все польские короли. И многие великие люди. Словацкий, Мицкевич...

Виктор. Все-таки это занятно, правда? Поэты плохо живут с королями, а хоронят их вместе.

Геля. Видишь, Витек, музей действует и на тебя. Ты стал очень... как это... глубоко-мысленный.

Виктор. Я всегда такой.

Геля. В Вавеле еще лежит королева Ядвига. Она была покровительница университета, и все ученики до сих пор пишут ей записки.

Виктор. Что же они там пишут?

Геля. «Дорогая Ядвига, помоги мне выдержать экзамен». «Дорогая Ядвига, пусть мне будет легче учиться».

Виктор. Ты тоже писала?

Геля. О, когда я приехала в Краков, я сразу побежала к Ядвиге.

Виктор. Хотел бы я прочесть твою записку.

Геля. Я тебе скажу, если ты такой любопытный. «Дорогая Ядвига, пусть меня полюбит учитель математики».

Виктор. И как, Ядвига тебе помогла?

Геля. Должно быть, помогла, я сдала экзамен.

Виктор. Слушай, у меня родилась идея.

Геля. Надеюсь, ты шутишь.

Виктор (*кивая на статую*). Спрячемся за этого типа и поцелуемся.

Геля. Я говорила, ты сегодня... в ударе.

Они заходят за статую и целуются.

Какая прекрасная идея.

Виктор. Дежурная, по-моему, спит.

Геля. Я боялась, что здесь будут экскурсии. Я очень не люблю экскурсии, это мой недостаток. Правда, ничего не надо объяснять? Пускай люди думают сами.

Виктор (*быстро целует ее*). Пока дежурная не проснулась.

Геля (*прислонясь к статуе*). В крайнем случае нас защитит наш атлет.

Виктор. Мы сами себя защитим.

Геля. Но он очень сильный. Смотри, какие у него мышцы.

Виктор. Видишь, что значит заниматься спортом.

Геля. Я знаю, знаю – у тебя под кроватью две гири.

Виктор. А что тут плохого?

Геля. Я немножко боюсь спорта. Спортсмены слишком ценят силу.

Виктор. Это не грех.

Геля. Ты очень сильный?

Виктор. Не слабый, конечно.

Геля. Приятно быть сильным?

Виктор. Очень приятно.

Геля. А что тебе приятно?

Виктор. Я сам не знаю... Должно быть, какая-то независимость.

Геля. Может быть, зависимость других?

Виктор. Я не драчун. Но надо уметь дать сдачи.

Геля. Так. Но сегодня человек дает сдачи, видит, что это получается, и завтра он бьет первым.

Виктор. Хорошо. Я буду подставлять другую щеку.

Геля. Наверное, я очень глупая, Витек, и надо мной нужно весело смеяться, но я ничего не могу с собой сделать. Для меня сила почти всегда рядом с насилием.

Виктор. Геля, ты говоришь про фашизм...

Геля. А я теперь часто думаю про фашизм. И слушай – иногда он выглядит очень эффектным. Оптимизм. Уверенность в будущем. Он целые страны соблазнил своими мускулами.

Виктор. Слушай... война кончилась в сорок пятом.

Геля. Так. Правда. *(Пауза.)* Это смешно. Я тебя просила не говорить о войне, а сама не могу ее забыть ни на минуту. Мы в Польше все такие. Витек, ты веришь в счастье?

Виктор. Да, Геля, верю.

Геля. А я боюсь верить. И жизни я боюсь. Это очень стыдно, но я ее боюсь. Говорят, после первой войны с людьми было то же самое.

Виктор. Не знаю. То была совсем другая война. Не нужно сравнивать. И не нужно бояться. Просто ты насмотрелась на оккупантов. На их патрули, на их автоматы. Это пройдет.

Геля. Витек, у тебя пальцы как у пианиста.

Виктор. Мне медведь на ухо наступил.

Геля. Я уверена, что это не так.

Виктор. Слушай...

Геля. У тебя снова идея?

Виктор. За этой богиней нас никто не увидит.

Геля. Помни, букет создается выдержкой.

Виктор. Ты действительно обезьянка.

Заходят за статую и целуются.

Черт знает, до чего хорошо.

Геля. Не богохульствуй.

Виктор *(целует ее)*. Бог нам простит.

Геля. Он ведь прощает не тем, кому нужно. Теперь я бы не вступила в переписку с Ядвигой.

Он снова ее целует.

А куда мы отправимся завтра?

Виктор. Что-нибудь придумаю.

Геля. Хорошо знать, что кто-то придумывает за тебя. Какой ты умный.

Виктор. Ты же не любишь, когда за тебя думают.

Геля. В том-то и ужас, что это приятно. Должно быть, это женская черта, но уж слишком много мужчин ее имеют. Смешно, правда?

Виктор. Диалектика, Геля.

Геля. О, какое великое слово. Оно объясняет решительно все. Как твое электричество.

Виктор. Гражданка, надо верить в электричество или в Бога. Третьего не дано.

Геля. Пане профессоже, я стала бояться богов. Любых. Даже тех, что зовут к милосердию. Как только человек творит Бога, он начинает приносить ему жертвы.

Виктор. Значит, вам остается одно электричество.

Геля. Электричеству тоже приносят жертвы.

Виктор. Геля, без жертв ничего не бывает.

Геля. Я знаю, знаю... Наука их требует, искусство их требует, и прогресс требует жертв. Витек...

Виктор. Что, Геля?

Геля. Теперь идея появилась у меня.

Она заходит за статую.

Свет гаснет. Снова – свет. Комната в общежитии. Геля – в халатике и домашних туфлях – укладывает перед зеркалом волосы. Стук.

Геля. Проще.

Входит Виктор с коробкой в руках.

Как ты поздно.

Виктор. Прости. *(Стягивает варежку.)*

Геля. Пока мы до них доберемся – уже будет Новый год.

Виктор. Ты еще не готова.

Геля. Я тут же буду готова. Просто я хочу быть самой красивой. Я ведь не принадлежу себе. Иначе мне было бы все равно, лишь бы пан был доволен.

Виктор. Кому ж ты принадлежишь?

Геля. Я должна поддерживать традицию моей родины и показывать, что Польша еще не сгинела.

Виктор. Она не сгинела.

Геля. Ах, Витек, какой ты милый. Ты сейчас мне оказывал моральную помощь. Когда охраняешь традицию, чувствуешь большую ответственность. Она давит.

Виктор. Ты будешь королевой, не бойся.

Геля. Что за коробка у тебя в руках?

Виктор. Банальнейший новогодний подарок.

Пока она торопливо развязывает, он садится и прикрывает глаза.

Геля. Езус-Мария! Какие туфельки.

Виктор. Я боялся, что ты уедешь в столицу сапожников – город Радом.

Геля. Витек, ты – чудо. Дзенкую бардзо. Я бы тебя поцеловала, но боюсь измазывать.

Виктор. Измазать. *(Зевает.)*

Геля. О, пусть. Ты всегда меня учишь. Але откуда у тебя пенендзе?

Виктор. Я разбогател. *(Зевает.)*

Геля. Фуй, не смей зевать. Это неуважение к моей красоте, к моей стране и ее флагу. Я тоже купила тебе подарок. Правда, он не такой шикарный. Я не так богата, как ты. У меня другие достоинства. *(Протягивает ему галстук, примеряет.)* О как красиво! Как красиво!

Виктор. Спасибо. Никогда не носил галстуков.

Геля. Это – ложно понятый демократизм. С этим надо заканчивать.

Виктор. Хорошо.

Геля. Вино стоит на окне. Не забудь его взять. Это наш вклад на общий стол. Я сейчас натягиваю платье, залезаю в мои новые туфельки – и мы идем.

Он не отвечает. Она заходит за шкаф.

Только сиди и не двигайся. Я рассчитываю на твое благородство. Почему ты молчишь, Витек? Это согласие или протест? *(Она выходит, уже в платье, с туфлями в руках.)* Что с тобой? Ты спишь?

Виктор действительно спит. Она тихо ставит туфли на столик и подходит к нему. Осторожно берет его руку. Виктор не шелохнулся – спит. Геля, еле слышно ступая, отходит в сторону, гасит большой свет. Теперь только ночник освещает комнату. Она садится напротив Виктора, внимательно на него смотрит. Тишина. Медленно начинают бить далекие часы. Две-

надцать. Геля сидит неподвижно. Откуда-то доносится музыка. Вновь – уже один раз – бьют часы. Геля продолжает сидеть все в той же позе. Музыка едва слышна. Виктор открывает глаза.

С Новым годом, Витек.

Виктор. Который час?

Геля. Как всегда, в неподходящий момент. Уже четверть второго.

Виктор. Я заснул?

Геля. Как дитя. И спал, как ангел.

Виктор. Прости меня. Я – бандит.

Геля. Слишком сильно.

Виктор. Я поступил как свинья.

Геля. Напротив – как патриот. Теперь королевой красоты будет Наташа.

Виктор. Может быть, все-таки пойдем?

Геля. Уже не имеет никакого смысла. Мы только вызовем улыбки и вопросы.

Виктор. Какая глупость...

Геля. Витек, где ты был?

Виктор. Разгружал вагоны.

Геля. Это ты там разбогател?

Виктор. Всякий труд почетен.

Геля. Ничего, мы выпьем вино сами. Я очень хочу за тебя выпить.

Виктор (*открывая бутылку*). Где у тебя стаканы?

Геля. Вот стаканы. Это хорошее вино?

Виктор. Обычное вино.

Геля. А ты можешь пить обычное вино? Или это... профанация?

Виктор. Вшистка едно, панна.

Геля. Как удастся настоящее вино, Витек?

Виктор. Это долгий путь. От винограда до вина – долгий путь. Когда фильтропресс отделяет мезгу...

Геля. А что такое – мезга? Ты прости, я дикарь.

Виктор. Ягода, мякоть, косточки... Я говорю, в этот час мы еще не знаем, какое нас ждет вино. Все выяснится позже. Как с ребенком.

Геля. И виноделы волнуются?

Виктор. Виноделы ужасно волнуются.

Геля. Ты говоришь со мной снисходительно. Ты подчеркиваешь свое превосходство.

Виктор. Я когда-нибудь возьму тебя с нами на практику. Ты посмотришь, как делают анализ на сахаристость, как бродит сусло и как выдерживают вино.

Геля. Букет создается выдержкой.

Виктор. Я вижу, ты это крепко затвердила.

Геля. Мне это понравилось.

Виктор. Марочное вино хранится много лет. Его выдерживают в дубовых бутах. Дубовый бут придает ему благородство.

Геля. А мы пьем марочное вино?

Виктор. Ординарное, Геленька.

Геля. Что это значит?

Виктор. Его выдерживали меньше года.

Геля. Какой позор! И им не стыдно?

Виктор. Здесь равенства нет.

Геля. Ну пусть. Я пью за тебя, хотя это вино недостойно тебя.

Виктор. А я за тебя.

Геля. Я пью, чтоб тебе было хорошо в сорок седьмом году.

Виктор. И тебе.

Геля. Чтоб мне было хорошо с тобой в этом сорок седьмом году. Наверное, я ужасный... консерватор, но я не хочу раскрывать в тебе новые черты. Даже если это черты будущего.

Виктор. Но я хочу расти над собой.

Геля. Не надо. Кто знает, куда ты вырастешь? Мне с тобой так спокойно сейчас, так ясно.

Виктор. Не надо тебе пить. У нас нет закуски.

Геля. Ничего, у меня трезвая голова, я не сделаю глупостей. А закуски нет. Ты проспал закуску. И главное – удивительный торт. Наташина мама – великий маэстро. Я сегодня ночью видела во сне этот торт.

Виктор. Лакомка.

Геля. Если б ты знал, какие частки на Новом Святе! Больше нигде не бывают такие частки. Я на них тратила последний золотый. Святая Мария, что мне делать, я так люблю сладкое. Певицы и без него становятся толстухами, а я к тому же его люблю.

Виктор. Сладкие слова ты тоже любила?

Геля. Любила, любила. Зачем скрывать? Но теперь ты открыл мне глаза. Теперь каждому слову я буду делать анализ на сахаристость. Доволен?

Виктор. Ты знаешь, что отличает настоящее вино? Послевкусие.

Геля. Дивное слово. Только ты мне его объясни.

Виктор. Вкус, который остается после того, как ты выпил. Послевкусие. Есть такие круглые вина, они точно перекатываются во рту.

Геля (*ньет*). Это не перекатывается.

Виктор. Само собой. В нем недостаточно тела.

Геля. Какая бесстыдная наука – твое виноделие. Неужели к вам принимают девушек?

Виктор. Паненка к паненке.

Геля. Но ведь я лучше. Ты должен честно признать – я лучше. Я родилась на географическом перекрестке. Во мне смешалось все, все, все! Римская католическая церковь и язычество древних славян. Где ты еще найдешь такую?

Виктор. Такую трезвую?

Геля. Витек, я трезвей тебя, и ты в этом убедишься. А сейчас я хочу танцевать в новых туфельках.

Виктор. Вы позволите вам их надеть?

Геля. Проше пана.

Он ее обувает.

Включи репродуктор.

Виктор включает. Музыка. Они танцуют.

Во всех домах сейчас танцуют. Во всех городах сейчас танцуют. Во всех странах. И желают друг другу счастья. Витек, мне почему-то грустно.

Виктор. Я говорил – не нужно пить.

Геля. Не то, не то. Как тебе объяснить? Ты решишь, что я истеричка. Я просто думаю, сколько людей живут со мной в одно время. И я их никогда не узнаю. Всегда и всюду границы, границы... Границы времени, границы пространства, границы государств. Границы наших сил. Только наши надежды не имеют границ.

Виктор. Но я же тебя нашел.

Геля. Ты случайно меня нашел.

Виктор. Не важно. Же пран, же пран... Одним словом: беру добро, где нахожу.

Геля. Это очень умно с твоей стороны. *(Пауза.)* Витек.

Виктор. Что?

Геля. У тебя нет никаких идей?

Виктор. Есть одна. *(Целует ее.)*

Геля *(оторвавшись)*. Что за после-вку-сие!.. Как, я правильно говорю?

Виктор. Ты прирожденный винодел.

Геля. Если б я им была, мы бы спились. *(Остановившись.)* Эта музыка не отвечает моей внутренней мелодии.

Виктор. Тогда ей придется умолкнуть. *(Выключает радио.)*

Геля. Лучше я спою сама. Хочешь?

Виктор. Голос звучит?

Геля. Как колокольчик.

Виктор. Пой.

Геля заходит за ширму.

Геля *(оттуда)*. Выступает Гелена Модлевска. *(Выходит. На плечах ее царственно покоится мех.)*

Виктор. Где ты взяла эту собаку?

Геля. Это не собака, это Верин воротник.

Они обнимаются.

Ой, ты меня задушишь!

Виктор *(смахивая с губ волоски меха)*. Сними эту собаку – она лезет.

Геля. Да, она немножечко лезет.

Виктор *(иронически)*. Немножечко...

Геля. Ну, так я ее сниму. *(Поет веселую старинную песенку.)* «Страшне чен кохам, страшне чен кохам, страшне кохам чен...»

Виктор. Публика в восторге.

Геля. Артисты устали. *(Садится.)*

Виктор. «Страшне чен кохам» – эта значит «страшно люблю»?

Геля «Страшно тебя люблю». Ты уже все понимаешь.

Виктор. Я бы хотел научиться польскому.

Геля. Ну так я буду тебя учить.

Виктор. Но сначала выйди за меня замуж.

Геля. Витек, ты плохо соображаешь.

Виктор. Ты этого не хочешь?

Геля. Витек, все точно сговорились, чтоб мы помешались. Первая ночь Нового года, вино, в общежитии пусто – мы одни на всем свете. Но это не так. Завтрашний день уже наступил, и мы с тобой – не одни на свете. Необходимо смотреть вперед.

Виктор. Ты мудрая девушка.

Геля. Я тебе говорила, что я трезвей тебя.

Виктор. К несчастью.

Геля. Может быть, это порок воспитания. Мы приучены думать о завтрашнем дне.

Виктор. Хватит шутить. У нас много юмора. Держимся за юмор, как за соломинку. Как за лазейку. Юмор – наш тыл. Наша заранее подготовленная позиция. Путь к отступлению. Что еще? Но я совсем не хочу отступать.

Геля. Ты прав. Я просто боюсь быть серьезной. Я тебе уже говорила – боюсь.

Виктор. А я не боюсь. Я кое-что знаю. Я знаю, что ты нужна и нужна. Что же еще я должен знать? Разве этого мало? Я просыпаюсь, чтоб тебя увидеть. Услышать твой голос, твое вечное «как это»... твое бесконечное «показывать» вместо «показать», «понимать» вместо «понять», «обнаруживать» вместо «обнаружить». Не дай бог, если ты все будешь говорить правильно, мне кажется, это уж будешь не ты. Я сейчас надел на твои ноги туфли и понял, что за все двадцать четыре года еще никогда не был так счастлив. Я тащу к тебе все и грузу на тебя все, иногда ты этого даже не знаешь. Я знаю, что никогда с тобой не соскучусь, не захочу от тебя отдохнуть. То, что ты есть, всему придает смысл и вносит жизнь решительно во все.

Геля хочет его прервать.

Не надо, ведь я говорю тебе правду. Может быть, и не следует так говорить. Наверняка нужно быть сдержанным, и не годится себя распускать. У меня действительно мало опыта. Да и откуда, скажи, ему взяться? Из школы я ушел воевать. Что я видел? И что я помню? Про опытных я читал только в книжках. Но, по-моему, ничего не может быть лучше, чем все сказать... не взвешивать, не следить за словами. Ну вот, глаза у тебя на мокром месте. Прости. Все равно я сделаю тебя счастливой. Я сделаю все, чтобы прошел твой страх. Чтоб ты ничего никогда не боялась. Я буду беречь тебя днем и ночью. И однажды даже тени печали не будет в твоих глазах, даже тени. И я услышу твое ровное дыхание. И только тогда, слышишь, только тогда я и сам вздохну спокойно.

Свет гаснет.

Снова – свет. Та же комната. Геля стоит у окна, спиной к двери. Входит Виктор.

Виктор (*весело*). Целую рончки.

Геля. Здравствуй.

Виктор. Хорошо бы, если б ты повернулась и подошла.

Геля. Вот я повернулась.

Виктор. Пан ждет. Пан нервничает.

Геля. У меня смертельно болит голова.

Виктор. Надо что-нибудь принять и лечь.

Геля. Я принимала и ложилась.

Виктор. Грелку с горячей водой к затылку – и ты воскреснешь. Для жизни и ее радостей.

Геля. Ты – после дегустации?

Виктор. Было дело. (*Поднимает ноты.*) Это – твои ноты?

Геля кивает.

И эти?

Геля. И эти – мои.

Виктор. Целая программа. Можешь давать концерты. Черт возьми, какое будущее меня ожидает! Вино, музыка и любовь.

Геля. Кажется, я снова трезвей тебя.

Виктор. Как всегда. Однако ты уже недовольна. Что будет, когда я стану твоим мужем?

Геля. Ты еще хочешь им стать?

Виктор. И очень скоро. Довольно мне слушать ваше польское величество. Я ли не был покорнейшим верноподданным? Сначала ты говоришь, что мы должны сдать сессии. Я подчи-

няюсь. После сессии ты везешь меня за город, ходить на лыжах. Ты рассудила, что нам нужно привыкнуть друг к другу. Я знаю, что, слава богу, никогда к тебе не привыкну, но так хочешь ты, и я опять подчиняюсь. Десять дней мы живем на турбазе, и я кротко уступаю тебе лыжню. Не спорю – прекрасные десять дней, но мне их отравила неопределенность моего положения. Для счастья необходимо удостоверение.

Геля. Напрасно ты думаешь, что это шутки.

Виктор. Какие шутки? Я восстал. Я хочу, чтоб меня называли пан-млоды. Перевести? По-польски это значит – новобрачный.

Геля. Ты ни о чем не слышал?

Виктор. Нет. С утра поглощен самоанализом.

Геля. Тебе никто ничего не сказал?

Виктор. Какие-нибудь новости? У них? Или у нас?

Геля. У нас.

Виктор. Асю увезли в Дагестан?

Геля. Издан новый закон.

Виктор. И что же он утверждает?

Геля. Он воспрещает. Браки с иностранцами. С пятнадцатого февраля.

Виктор. Ну и... что? Это ж не может к нам относиться.

Геля. Можно узнать – почему?

Виктор. Мы же любим друг друга.

Геля (*вспылив*). Ты – глупец.

Пауза.

Прости, прости меня, я не слышу сама себя.

Виктор. Убежден, отвечаю тебе головой... Это, безусловно, временная мера... Очевидно, бывают легкомысленные браки. Думаешь, я сам мало чего навидался, когда уходил на гражданку? Мы стояли в Вене... Мало ли было глупостей. Играли свадьбы, а потом – одни неприятности, слезы... (*Обнимает ее.*) Не волнуйся... Прошу тебя... Не волнуйся... Ты будешь со мной.

Геля. С тобой... с тобой... Ты же ничего не изменишь!

Виктор. О, черт! Вот она – твоя трезвость. Если б ты слушалась меня, мы бы уже были женаты.

Геля. Если б не моя трезвость, ты бы попал в трудное положение.

Виктор. А сейчас мое положение легче?!

Геля. Почему же ты на меня кричишь?

Виктор. Что делать? Что делать?

Геля. Витек, единственный мой... Придумай... Придумай... что-нибудь. Ты счастливчик. Тебе все удастся. Ты всегда умел хорошо придумывать. Я умоляю тебя, придумай.

Виктор. Да, да. Я придумаю. Я придумаю...

Свет гаснет.

Вновь – свет. Улица. Геля. Появляется Виктор. Она бросается к нему. Он молча берет ее под руку, и они уходят.

Слышен слегка измененный записью голос Виктора.

Виктор. Но я тогда так ничего и не придумал. Жизнь есть жизнь, и она иногда сложнее, чем кажется. Вскоре меня перевели в Краснодар. О Геле я больше вестей не имел. Краснодар – отличный, веселый город. Вечерами все ходят по улице Красной. Я тоже частенько по ней гулял, но друзей не заводилось долго. Потом появились и друзья. Летом мы ездили на практику в Абрау-Дюрсо. Он окружен горами и лежит на дне чаши. Ее северный склон засажен виноградниками различных сортов. Летом, когда листья окрашиваются в разные цвета, перед вами как бы возникает корона.

Часть вторая

Звучит музыка. Это та же мелодия, что в первой сцене, – мазурка Шопена.

Слегка измененный записью голос Виктора.

– Прошло десять лет, и я оказался в Варшаве. Стояла мягкая ранняя осень. Я знал, что Варшава была разрушена, но я увидел живую Варшаву, хотя развалины попадались часто. Мало на свете городов, подобных польской столице. Стоит только в нее попасть, и ты теряешь голову, как от встречи с девушкой, когда тебе семнадцать.

Свет. Барьер в вестибюле гостиницы перед отсеком администратора. На барьере – телефон. Виктор набирает номер. Слышен мужской голос:

– Слухам.

Виктор. Проше пани Гелену.

Мужской голос. Гельця!

Пауза. Слышны шаги.

Голос Гели. Слухам.

Виктор откашливается.

Слухам!

Виктор. Геля, это я.

Пауза.

Ты меня слышишь? Это я.

Голос Гели (*сдавленно*). Езус-Мария...

Виктор. В восемь я жду на углу Свентокшисской и Нового Свята. Договорились?

Пауза.

Голос Гели. Так.

Виктор вешает трубку.

Свет гаснет и почти сразу же вспыхивает. Шум улицы. Вечер.

На углу – Виктор.

Появляется Геля.

Геля. Я не опаздывала?

Виктор. Не опоздала.

Геля. О, так. Он опять меня исправляет. Не о-поз-дала.

Виктор. Нет, ты не опоздала. Точность – вежливость королев.

Рукопожатие.

Геля. Ты мало изменился.

Виктор. Ты – тоже.

Геля. Ты был обязан сказать, что я стала лучше.

Виктор. Я хотел это скрыть, чтоб чувствовать себя уверенней.

Геля. Вот что? Это другое дело.

Виктор. Все твои страхи были напрасны. Ты стала певицей, но не стала толстухой.

Геля. Одна я знаю, чего это стоит. Жизнь моя... как это... не сахар. И это надо понимать буквально.

Виктор. А частки на Новом Святе?

Геля. Ты злой. Об этом даже нельзя говорить. Исключены раз навсегда.

Виктор. Какая жалость.

Геля. Исключены, но сегодня мы сделаем исключение. В честь твоего приезда.

Виктор. Я очень рад доставить тебе удовольствие.

Геля. Дзенкую бардзо пана. Как ты здесь очутился?

Виктор. Нас тут несколько человек. Мы приехали встретиться с коллегами. Ваше вино-
деление недостойно такой страны. Всего несколько виноградников.

Геля. Ты прав, виноградники – это единственное, чего нам не хватает. Все остальное
есть. *(Пауза.)* Ты стал ученым?

Виктор. Я защитил диссертацию.

Геля. Я тебя поздравляю. Я была уверена, что ты пробьешься.

Виктор. Еще больше это можно сказать о тебе. В Варшаве все тебя знают.

Геля. Такая профессия. Ты видел город?

Виктор. Чуть-чуть. Но я уже им заболел.

Геля. У нас говорят – Варшава строилась семьсот лет и двенадцать. Было девяносто
целых домов.

Виктор. Знаю и не верю.

Геля. Где ты остановился?

Виктор. В отеле «Саски».

Геля. А-а... так... Плац Дзержинского. Но ты уже был в Лазенках? В Старом Мясте?

Виктор. Не был нигде.

Геля. Когда ты приехал?

Виктор. Три часа назад.

Геля *(она медленно оглядывает его)*. Спасибо. Это очень мило.

Виктор. И уже успел попасть в историю. Перед входом в отель стояли две толстушки.
Наверно, они все время едят частки. Товарищ спросил меня не очень тихо: «Это и есть поль-
ские красавицы?» И одна обернулась, смерила меня взглядом и сказала: «Да, это и есть поль-
ские красавицы».

Геля. Нечего распускать языки.

Виктор. Они тут все понимают по-русски?

Геля. Почему товарищ спросил именно тебя? Тебя считают специалистом по польскому
вопросу?

Виктор. Просто я стоял рядом.

Она смеется.

Не понимаю.

Геля. Как ты на меня посмотрел!.. Ты совершенно не изменился.

Виктор (*деловито*). Надо придумать, куда идти?

Геля. Сегодня придумывать буду я. Мы поедем к Юлеку.

Виктор. К какому Юлеку?

Геля. Есть такой ресторанчик «Под гвездами». Это значит – под звездами. Под самым небом. Даже слышно райское пение. То поет Юлек Штадтлер.

Виктор. Ну что ж, я давно уже не слышал ангелов.

Геля. Оттуда видна вся Варшава. И вся Варшава туда стремится.

Виктор. Мы можем не попасть. Сегодня – воскресный вечер.

Геля. Не беспокойся. Ты ведь – со мной.

Виктор. В самом деле. Я еще не привык.

Геля. Постой... Это действительно – ты?

Виктор (*негромко*). Я, Геля, я...

Свет гаснет.

Вновь – свет. «Под гвездами». Столик за колонной. Виктор и **Геля**. По другую сторону колонны, очевидно, находится зал, в котором и сидят посетители. Оттуда доносятся пение, шум и смех.

Геля. Я не предупредила Юлека, что мы приедем.

Виктор. Здесь еще удобней. Нас не видят, а мы видим всех.

Геля. Тебе здесь нравится?

Виктор. Этот Юлек симпатяга. Сколько ему? Сорок пять?

Геля. Приблизительно.

Виктор. Мне нравится, что здесь все по-семейному, что он присаживается за столики и болтает со всеми, как со старыми приятелями.

Геля. Так оно и есть.

Виктор. Но почему он все время курит? Певцу вроде бы не рекомендуется.

Геля. Штадтлер выше правил.

Виктор. Кто этот усатый старик, который все пишет?

Геля. Он журналист. Он здесь сочиняет все свои статьи.

Виктор. Мне кажется, здесь все знают друг друга. Нас встретил пан Гавлик. Мы отправили вещи, а сами решили пройтись, посмотреть Варшаву. Пан Гавлик здоровался с каждым встречным.

Геля. Я не знаю пана Гавлика.

Виктор. Зато он знает тебя. «Пани Модлевска! О, пани Модлевска!»

Геля. Какой он милый, пан Гавлик.

Виктор. Очень милый, очень вежливый, очень веселый.

Геля. Сколько достоинств у одного Гавлика.

Виктор. И очень неожиданный, ко всему. По пути мы зашли в костел послушать хор мальчиков, – он немедленно преклонил колена.

Геля. В конце концов, веселые верующие не хуже молитвенно настроенных атеистов.

Виктор. Он показался слишком остроумным для такого благочестия.

Геля. Ах, Витек, моя родина так сочетает иронию и религиозность, что не сразу поймешь – ирония прикрывает религиозность или религиозность – иронию. У поляков большая душа. Там для всего найдется местечко.

Виктор. У поляков еще и отличная память. На каждом шагу я вижу доски: «Здесь пролилась польская кровь».

Геля. Так. Мы многому научились, но ничего не забыли. Выпьем, Витек.

Виктор. За что?

Геля. За хорошую память.

Слышно, как поет Штадтлер. Некоторое время они молча его слушают.

Ты теперь носишь галстуки.

Виктор. Да, ты меня приучила.

Геля. Может быть, в этом и была моя историческая роль в твоей жизни. Очень строгий галстук. Даже слишком строгий. Впрочем, это стиль советских людей за рубежом.

Виктор. Я очень долго носил твой галстук.

Геля. А я – твои башмачки. И, в отличие от матери Гамлета, я их износила.

Пауза. Слышно, как поет Штадтлер.

Витек, я задам тебе глупый вопрос. Очень глупый, очень... как это... мелодраматический вопрос. Ты женат?

Виктор. Да.

Геля. Она тоже... сочиняет вина?

Виктор. Нет. *(После маленькой паузы.)* Она хорошая женщина.

Геля. Ты это говоришь мне или себе?

Они слушают Штадтлера до конца. Доносятся аплодисменты.

Виктор. Тебя я не спрашиваю – замужем ли ты. Я слышал его голос по телефону.

Геля *(кивает)*. Очень приятный баритон. Я бы сказала – виолончельный.

Виктор. Он – хороший человек?

Геля. Он – музыкальный критик.

Виктор. Исчерпывающий ответ.

Геля. Хочешь узнать его ближе? *(С подчеркнутым испугом.)* Езус-Мария, Юлек на меня смотрит. Я погибла.

Слышен голос Штадтлера: «Prosze pan'stwa, dzis'gosci wsród nas Helene Modlewska. Poprosimy ja zaspiéwac».

Геля. Нечего делать. Придется петь.

Она встает из-за столика, на миг скрывается и тут же возникает с микрофончиком в руке, видная одновременно и залу, и Виктору, и нам. Она поет старую, уже знакомую песенку: «Страшне чен кохам, страшне чен кохам, страшне кохам чен». И все посетители подпевают ей. «Страшне кохам чен», – поют все столики. Поют все, кроме Виктора. Он курит и слушает.

Буря аплодисментов. Геля возвращается.

Геля. Посвящается тебе.

Виктор. Спасибо.

Геля. Не следует пить, но так и быть. Кутить так кутить. Я угощаю.

Виктор. С какой стати?

Геля. Витек, только без глупостей. Я – дома. Ты – мой гость. И откуда у тебя злотые?

Виктор. У меня они есть.

Геля. Ну и чудесно. Купи на них что-нибудь своей жене.

Виктор. Мне так ни разу и не пришлось тебя пригласить.

Геля. Витек, я пью за то, что ты мало изменился, хотя и защитил диссертацию. Ты очень на себя похож, и я тебе благодарна за это.

Виктор. Почему ты ни разу не приехала на гастроли?

Геля. Должно быть, я боялась тебя встретить. Я ведь всегда чего-то боялась.

Виктор. Когда я бываю в Москве, я хожу в консерваторию. Однажды слушал Веру с ее арфой.

Геля. Вера дает концерты в Большом зале! Она всегда была серьезная девушка. А про Асю ты ничего не слышал?

Виктор. Нет, ничего.

Геля. Это естественно. Она слишком любила своего молодого человека. Но вот вопрос – кто из них счастливее? Вера или Ася?

Виктор. Сперва надо выяснить, что такое счастье.

Геля. Счастье то, что не выясняют. Его чувствуют кожей. Есть такая грустная песенка – «Comme le monde est petit». Как мал этот мир! Вот мы и встретились с тобой, Витек.

Виктор. Послезавтра мы уезжаем.

Геля. Куда?

Виктор. Смотреть ваш виноградник.

Геля. Ах так... я забыла... Я забыла, зачем ты приехал. Витек, мне хочется тебя посмешишь. Ты будешь смеяться до упаду: я все еще тебя люблю.

Виктор (*помедлив*). Тебе это сейчас показалось.

Геля. Не показалось – я с этим живу. Очень смешно, я знаю, но это так. Ты не волнуйся, все в порядке. Главное, я осталась жива тогда, а это было не так уж просто.

Виктор. Да, это было совсем не просто.

Геля. Когда я приезжаю в Краков, я хожу в Вавель. Я пишу записки королеве Ядвиге: «Дорогая Ядвига, верни мне его». Недурно? Признайся, что я тебя развлекала.

Виктор. На королев такая же плохая надежда, как и на королей.

Геля. Ты прав, теперь от них мало толку. Я читала дневник вашего последнего царя. Как это?.. «Утро провел отвратительно. Оказался запертым в уборной». Матерь Божья... Революция была неизбежной.

Виктор. Я хотел молчать. Это ты виновата. Скоро десять лет, а я помню все.

Геля. Витек, мне сто раз казалось, что ты идешь навстречу. Я помню твои интонации, твои жесты. Сто раз я ловила себя на одном и том же: ко мне обращаются, а я не слышу – разговариваю с тобой. Я выхожу на сцену – и вижу тебя в зале. Я готова спорить на собственную голову – это ты, в четвертом ряду, шестой слева. Я схожу с ума от галлюцинаций, но я скорее умерла бы, чем согласилась вылечиваться. Теперь отвечай мне – можно так жить?

Виктор. Что я могу ответить? Что?

Геля (*после паузы*). Пора. Поздно. Надо идти.

Свет гаснет.

Тусклый свет. Улица. Фонарь. Геля и Виктор.

Геля. Твой отель – за углом.

Виктор. Что это за институт?

Геля. Венгерский институт.

Виктор. Почему – венгерский?

Геля. Матка боска, культурные связи. Что это вдруг тебя взволновало?

Виктор. Сам не знаю.

Пауза.

Геля. Надо прощаться?

Виктор. Видимо, надо.

Поцелуй.

Геля. Я тебя не пущу.

Виктор. Геля...

Геля. Я не пущу. (*Лихорадочно его целует.*) Отдать тебя снова? Еще на десять лет, на двадцать, на тридцать? На всю жизнь? Неужели я совсем бесправна?

Виктор. Но что же тут делать? Геля, родная...

Геля. Боже милосердный, он не понимает. Мы же с тобой не увидимся больше.

Виктор. Слушай... довольно. Тебе пора.

Геля. Ты самого главного не понимаешь. Единственно важного. Знаешь – чего? Сейчас ты толкнешь вот ту дверь, и она отойдет, даже слышу, с каким звуком – трр... А потом она вернется на свое место – и все. И больше тебя не будет.

Виктор. Успокойся. Возьми себя в руки.

Геля. Так. Так. Я забыла. Букет создается выдержкой. Тогда будет дивное послевкусие. Ты очень сильный, Витек. Очень сильный.

Виктор. Черт побери, я должен быть сильным.

Геля. Должен, должен... Проклятая, ненавистная сила. Недаром я ее всегда боялась. Слушай... вы едете послезавтра?

Виктор. Да.

Геля. Едем сейчас со мной.

Виктор. Куда?

Геля. В Сохачев. Это недалеко. Завтра ты вернешься.

Виктор. Подожди... А твой муж?

Геля. А-а... вшистка едно. Едем.

Виктор. Нельзя.

Геля. Но почему?

Виктор. Не сердись – пойми. Я ж здесь не один. Пропасть на всю ночь...

Геля. Езус-Мария, я схожу с ума. Ты смеялся, что я постоянно боялась. Но ты ведь сам ничего не боялся. Ты храбрый человек.

Виктор. Человек не всегда волен в своих поступках.

Геля. Человек живет в обществе. Ты прав, ты прав. Ну, прощай.

Виктор. Нет, погоди. Все эти десять лет я ждал. Чего? Неизвестно. Зачем? Неизвестно. Я знал, что не нужно тебе звонить. Но как же я мог не позвонить? Я только человек...

Геля. Который не волен в поступках.

Виктор. Да, да, да! Так сложилась жизнь. А жизни надо смотреть в лицо. И если я стараюсь не заорать, это не значит, что мне это просто.

Геля. Не надо, Витек. Я поняла. И очень прошу тебя – больше ни слова. (*Идет.*)

Виктор (*вслед*). Геля!

Геля (*обернувшись, приложив палец к губам*). Больше ни слова.

Свет гаснет.

Звучит знакомая мелодия – несколько прозрачных нот.
Слегка измененный записью голос Виктора:

– Прошло еще почти десять лет. В начале мая я приехал в Москву. Приятно приехать в такую пору. Погода стояла отличная, теплая, женщины были уже в летних платьях. Вечером все высыпали на улицы, и, хотя у меня был комфортабельный номер, меня почему-то не тянуло в гостиницу. И я решил пойти на концерт, который очень меня заинтересовал.

Снова свет.

Маленькая комнатка перед выходом на сцену. Столик, банкетка. Входит Виктор. В руках его – сверток. Из зала доносятся аплодисменты. Влетает Геля. Она в белом платье с едва заметными блестками. У нее нахмуренное, недовольное лицо.

Виктор. Не знаю, как выразить свою благодарность.

Геля (*всплеснув руками*). Езус-Мария, какой приятный, неожиданный гость!

Виктор (*заметив выражение ее лица*). Я не вовремя?

Геля. Ах, они так надоели.

Виктор. Кто надоел?

Геля. Мои администраторы. Один момент, я еще разок поклонюсь. (*Уходит на сцену.*)

Виктор кладет сверток, подходит к зеркалу, поправляет прическу, садится на банкетку. Возвращается Геля. Виктор встает.

Геля. Сиди, сиди.

Виктор. Ты прекрасно пела. Я получил огромное наслаждение. Ты меня не видела? Я сидел в первом ряду.

Геля. В первом ряду? Справа или слева? Я сегодня так зла, что не вижу никого.

Виктор. Что же такое произошло?

Геля. Когда-нибудь от тупости этих людей я умру. Ты представь, послезавтра я должна быть в Ленинграде, в понедельник – в Киеве, в среду – в Баку. И в каждом городе они объявляют по три концерта. Можно подумать, что я поющая машина.

Виктор (*галантно*). Этого вовсе нельзя подумать. Но в самом деле... почему не составить график разумно?

Геля. Ах, не спрашивай... Всегда одно и то же.

Виктор. Сейчас я исправлю твоё настроение. (*Разворачивает сверток, вручает ей бутылку.*) От зрителя и... автора.

Геля. Как ты мил!

Виктор (*кивая на этикетку*). Обратила внимание, сколько медалей?

Геля (*рассматривая*). Я подсчитала их первым делом.

Виктор. Видишь, и мы чего-то добились.

Геля. Ты живешь в Москве?

Виктор. Нет, я – в командировке.

Геля. Ты отлично выглядишь. Профессия идет тебе на пользу.

Виктор. Древние греки были не дураки. А они, между прочим, так говорили: «И здоровье и радость – от золотого вина».

Геля. «К сокрытым тайнам ключ вы только в нем найдете». Я проходила этот курс.

Виктор (*восхищенно*). Слушай, у тебя прекрасная память.

Геля. В самом деле, тебя легко узнать. Странно... Я хорошо вижу зал. Ты вполне... как... это... консервированный мужчина. Должно быть, действительно радость жизни – от вина. Тем более когда оно не только поит, но кормит.

Виктор (*смеясь*). В этом смысле наши профессии схожи.

Геля. Ты прав – я пою не только для удовольствия. Значит, все порядке?

Виктор. Как будто бы да.

Геля. Супруга здорова?

Виктор. Спасибо, здорова. Только она чужая супруга.

Геля. Езус-Мария. Всегда – третий человек.

Виктор. Что поделаешь? Занятые люди вечно живут под дамокловым мечом.

Геля. Приятно хотя бы, что ее поступок не создал у тебя никаких комплексов. А то сейчас все страдают комплексами. Весь мир.

Виктор. У нас, виноделов, свой подход к проблемам. Да и говорят, все к лучшему – правда? Детей у нас так и не завелось.

Геля. Конечно, это все упрощает. Ты живешь один?

Виктор. Да... в общем, один.

Геля. Может, ты сам теперь – третий человек? Прости, я не хочу быть нескромной. Так или иначе, эта история не отразилась на твоей работе. Кто ты теперь – бакалавр или магистр?

Виктор. Доктор наук.

Геля. Ты просто – герой.

Виктор. Герой не герой, но своя лаборатория. А как поживает пан музыкальный критик?

Геля. Исчез. Как это – испарился.

Виктор. Третий человек?

Геля. Потом... не сразу. Но теперь он тоже... испарился. Как первый. Мои мужья не выдерживают атмосферных колебаний.

Виктор (*смеясь*). Однако ты с ними не церемонишься.

Геля. Я много езжу и устаю. На мужчин уже не хватает сил.

Виктор (*заботливо*). Тебе не мешало бы отдохнуть. Нужно хоть изредка отключаться.

Геля. Летом я убегу на Мазуры. Там удивительная тишина.

Виктор. Вернешься моложе на десять лет. Слушай, что наш приятель Штадтлер?

Геля. Штадтлер умер.

Виктор. Не может быть!

Геля. А почему ты так изумился? Время от времени это бывает.

Виктор. Ах, бедняга! Как его жаль. Да, конечно. Прошло немало.

Геля. В этом все дело. Строго говоря, уже можно думать о смысле жизни.

Виктор. Верно. Как в самые юные годы.

Геля. Впрочем, думать о нем легче всего. Трудно иной раз его обнаруживать.

Виктор. И все-таки все имеет свой смысл.

Геля (*с усмешкой*). Даже то, что однажды мы встретились в консерватории?

Виктор. Безусловно. Ты этого не считаешь?

Геля (*пожав плечами*). Какой-нибудь смысл, возможно, и есть. В конце концов, я стала хорошей певицей. А хорошая певица – это не только голос.

Виктор. Ты знаешь, сегодня я это понял.

Геля. Вот видишь, ты понял. Это немало. А в общем, обоим роптать грешно. Все-таки мы не стояли на месте.

Виктор. Слава богу, этого про нас не скажешь.

Геля. Бог ни при чем, положись на электричество. Оно все больше облегчает жизнь, а люди становятся все умней. Это дает большую надежду.

Виктор. Что говорить, жизнь идет вперед.

Геля. И заметь, во всех отношениях. Молодые люди даже женятся на иностранках. (*Спохватывается.*) О, Мадонна. Сейчас кончится антракт, а я совершенно не отдохнула. От тебя всегда одни неприятности.

Виктор. Прости, я должен был подумать сам.

Геля. Так ты сидишь в первом ряду? Ну, с Богом. Я еще день – в Москве. Позвони, если будет время.

Виктор. Хорошо.

Геля. Отель «Варшава», двести восьмой. Тебе записать или ты запомнишь?

Виктор. Конечно, запомню. Будь здорова.

Геля. До видzenia, Витек. Будь здрув.

Свет гаснет. И почти сразу же вспыхивает вновь. Улица. Огни. Какая-то мелодия. Идет **Виктор.** И хоть его губы сомкнуты, мы слышим чуть измененный записью голос:

– Ну и быстро меняется все в Москве. Полгода не был, и столько нового. Завтра – отчаянно трудный день. Отчаянно трудный. Каждый раз не хватает свободного времени. Впрочем, хорошо, что его не хватает. Если честно – это как раз хорошо.

Он уходит все дальше, дальше. И мелодия вечера звучит ему вслед.

1966

Медная бабушка. Диалоги

Действующие лица

Александр Сергеевич Пушкин.
Петр Андреевич Вяземский.
Василий Андреевич Жуковский.
Сергей Александрович Соболевский.
Дарья Федоровна Фикельмон.
Лев Сергеевич Пушкин.
Николай Павлович – император.
Александр Христофорович Бенкендорф .
Софья Николаевна Карамзина.
Абас-кули-ага.
Карл Петрович Рейхман.
Иван Филиппович.
Кавалергард.
Господин с удивленным лицом.
Жизнерадостный господин.
Никита.
Время действия: май – август 1834 года.

Часть первая

1

10 мая 1834 года.

Петербург. Кабинет в доме Оливье на Пантелеймоновской. Большое окно. В глубине комнаты в кресле дремлет Соболевский. На столе – забавная кукла, изображающая обезьяну. За столом – Пушкин. Перед ним сидит Рейхман. Опрятный, полный господин.

Рейхман (*откладывая бумаги*). Я внимательно прочел эту подробную опись.

Пушкин. Как видите, здесь и счет денег, доставленных из имения, а также взятых займы, на уплату долга. В скором времени мне будет известно и то, сколько в остатке непроданного хлеба. (*Чуть помедлив, с улыбкой.*) Перед вами, любезный Карл Петрович, злосчастная жертва сыновьего долга. С той поры, как по желанию своего отца я вступил в управление имениями, я не знаю и минуты покоя. И Болдино, и Кистенево приняты в чрезвычайно расстроенном состоянии, между тем я должен дать приличествующее содержание родителям, должен обеспечить брата, сестру, мужа сестры, я вхожу в новые долги и, по совести сказать, не вижу, какой тут выход... Карл Петрович, вы человек умный, таких людей мало, вы человек честный, таких еще меньше, вы человек умный и честный вместе – таких нет вовсе. Вся надежда на вас.

Рейхман (*помолчав*). Александр Сергеевич, в настоящий момент я не могу дать вам положительного ответа. Как вы понимаете, мое доброе имя – главное мое достояние.

Пушкин. Увы, Карл Петрович, к моему несчастью, я почти то же самое могу сказать о себе.

Рейхман. Я готов отправиться в июне, приблизительно одиннадцатого числа, в ваше имение и обследовать все на месте. В том случае, если задача окажется мне по силам, я приму ваше предложение.

Пушкин. Что ж, не скрою, мне было бы покойней, если бы вы приняли его сейчас, но вы правы.

Рейхман. Я не боюсь работы, Александр Сергеевич. Немцы умеют и любят работать. Wir sind aber sehr fleissige Leute. Очень прилежные люди.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.